

Дэвид Бойл

Путеводитель по англичанам

«Азбука-Аттикус»

2015

УДК 94(100-87)+930.85
ББК 63.3(4Вел)+71.05

Бойл Д.

Путеводитель по англичанам / Д. Бойл — «Азбука-Аттикус», 2015

100 увлекательных рассказов о причудах и пристрастиях англичан, их истории и традициях, и о том, что это такое – британский дух. Сюжеты о «Битлз» и Биг-Бене, Ночи Гая Фокса и Кентерберийском соборе, пабах и кардиганах, английских парках и йоркширском пудинге... Вы узнаете, почему англичане и французы друг друга недолюбливают, как китайский чай стал британским национальным напитком, отчего истинно английский зонтик – черный и какие школьные воспоминания заставляют прослезиться взрослых британцев. Герои книги – Альфред Великий и Панч, углекопы и клерки в полосатых костюмах, театральные актеры и призраки. «Что значит быть англичанином? Смотреть на приказы сверху одним глазом, как Нельсон, или, подобно Веллингтону, сохранять хладнокровие и выдержку при любых обстоятельствах? Что это – сентиментальная привязанность к животным, вкус к отвратительным вареным овощам, ностальгическая верность традициям, любовь к монархии и симпатия к неудачникам? Пожалуй, все вышеперечисленное вместе», – полагает Дэвид Бойл, автор этой книги (и еще полутора десятков книг по экономике, истории и культуре Британии), известный писатель и журналист.

УДК 94(100-87)+930.85
ББК 63.3(4Вел)+71.05

© Бойл Д., 2015
© Азбука-Аттикус, 2015

Содержание

Введение	7
Весна	11
1	12
2	14
3	16
4	18
5	20
6	22
7	24
8	27
9	29
10	31
11	33
12	35
13	37
14	39
15	40
16	42
17	44
18	46
19	48
20	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Дэвид Бой

Путеводитель по англичанам

David Boyle

HOW TO BE ENGLISH

Впервые опубликовано издательством Square Peg в 2015 году.

© David Boyle, 2015

© Illustrations by Blanca Gómez, 2015

© Степанова В., перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2016

Колибри®

* * *

Памяти моих замечательных бабушки и дедушки

Введение

«Вскоре после нашего приезда объявили, что подан обед из следующих блюд», – пишет 20 апреля 1796 года преподобный Джеймс Вудфорд в своем дневнике, где, как это часто бывает у англичан, пристальнейшее внимание уделено еде, но почти ничего не говорится о Господе. Затем, собравшись с духом, преподобный перечисляет все, что было на столе:

«Отварной лосось с креветочным соусом, немного белого супа, жареное седло барашка с огурцом и проч., баранье жаркое, язык, рагу из телячьей грудинки, рисовый пудинг, лучшая часть тушеного говяжьего огузка, поданная сразу же после того, как было покончено с лососем. Вторая перемена: пара молодых цыплят, поджаренное сладкое мясо, желе, макароны, устрицы, 2 небольших краба и блюдо яиц... Мы вернулись домой около половины десятого, шли очень медленно из-за Бритона... который... проявил изрядную неосмотрительность и, полагая, свел чрезмерно близкое знакомство с пивом и проч. м-ра Меллиша».

В этом описании виден отсвет английской души. Наша культура – блошинный рынок, склад ненужных вещей, она состоит сплошь из обрывков и осколков, склеенных в самом причудливом порядке. К тому же за последние сто лет понятие английской культуры делалось совсем невнятным благодаря сомнительному изобретению под названием «британский дух». У британской кухни ужасная репутация, зато англичане славятся чревоугодием и склонностью поглощать простую пищу гигантскими порциями.

Так питались англичане, и подозреваю, будь у них возможность, они охотно вернулись бы к прежним привычкам. В каждом из нас осталось что-то от избалованного XVIII века. Конечно, причина не в наших генах: у нас здесь много – и всегда было много – пришельцев со всех концов света, так что при всем желании вряд ли удастся воспроизвести уникальный рецепт английского генетического наследия. И вряд ли дело в английском климате и погоде, которые одинаково воздействуют на всех нас, ведь за сотни лет климат успел не раз смениться от жаркого XII до холодного XVIII века, когда на льду замерзшей Темзы устраивали ярмарки.

Нет, дело в чем-то другом: существует нечто особенное, некий исторический императив, ядро этой страны, приткнувшейся в дальнем северо-западном уголке Европы и сосредоточенно взирающей на запад. Это «нечто» вылепливает англичан по одному образцу – не делает их одинаковыми (что было бы совсем не по-английски), но выделяет среди прочих, нравится им это или нет, и не важно при этом, откуда они родом – с задворок пакистанского Карачи или из крохотной еврейской деревеньки в старой Польше. Мы не знаем, что это такое, но можем изучить доставшиеся нам обрывки и обломки истории и попытаться восстановить по ним полную картину.

Книга, которую вы держите в руках, и есть попытка связать разорванные нити. В некотором смысле это изучение и воспевание английского духа и одновременно наглядное пособие для тех, кто хотел бы чувствовать себя англичанином. Кроме того, это руководство для тех, кто не вполне уверен в том, кто он такой.

Надо сказать, подобная неуверенность вполне оправданна. Англичане довольно пестрая публика, и даже в пределах одного сословия мы можем насчитать множество разнообразных типов. Взять хотя бы двух великих английских героев наполеоновской эпохи, Нельсона и Веллингтона (Нельсон родился в Норфолке, а Веллингтон был, строго говоря, ирландцем). При жизни они встретились всего один раз, в приемной Министерства по делам колоний на Даунинг-стрит, незадолго до Трафальгарской битвы в 1805 году, и сразу же не понравились друг другу. Веллингтон сказал, что Нельсон «тщеславен и глуп». Нельсон погиб вскоре

после этой встречи, поэтому о его мнении нам ничего не известно. Лишь то, что лорд Каслри заставил обоих почти час дожидаться в приемной, вызвало у них некое подобие единодушия.

Отсутствие взаимопонимания обычно объясняют разницей их положения на тот момент. Нельсон находился в зените славы, а Веллингтон, тогда сэр Артур Уэлсли, пока еще не был национальным героем, и невысокий, одноглазый и однорукий адмирал обходился с ним небрежно и покровительственно. Вряд ли можно было бы найти двух других столь же несхожих по характеру мужчин, как эти два представителя одной нации. Веллингтон, в сущности, изобрел новый «британский» характер, добавив к традиционной английской флегме иные, глубоко личные черты – немногословность, бесстрастность, сухость.

– О боже, я потерял ногу! – воскликнул находившийся рядом с ним в битве при Ватерлоо граф Аксбридж, позднее маркиз Энглси, когда пушечное ядро угодило ему в колено.

Веллингтон, осматривавший поле боя, опустил подзорную трубу, взглянул вниз и невозмутимо, без малейшего удивления заметил:

– В самом деле, сэр.

По части стратегического гения и личной отваги Нельсон ни в чем не уступал Веллингтону, однако он относился к гораздо более старомодному типу: эмоциональный, склонный к излишествам, сентиментальный, слезливый – словом, английский до мозга костей. О Веллингтоне нельзя было сказать ничего подобного. Неудивительно, что они мигом невзлюбили друг друга.

Итак, что же значит быть англичанином? Смотреть одним глазом на приказы сверху, как Нельсон, или, подобно Веллингтону, сохранять хладнокровие и выдержку при любых обстоятельствах? Что это – сентиментальная привязанность к животным, вкус к отвратительным вареным овощам, ностальгическая верность традициям, любовь к монархии и одновременно симпатия к неудачникам? Пожалуй, все вышеперечисленное вместе.

Ныне этот вопрос стал особенно острым. Шотландцы и валлийцы точно знают, кто они такие, и осознают себя как самостоятельные нации в составе Соединенного королевства. Их требования о самоопределении до некоторой степени удовлетворяются. Это полноценные, не вассальные государства. Но кто такие англичане? У шотландцев есть «Цветок Шотландии», у валлийцев есть великое множество песен, в том числе *Cwm Rhondda*, *Myfanwy* и *We'll Keep a Welcome*. Правда, у ирландцев все далеко не так однозначно, но что же есть у англичан кроме расплывчато-вежливого: «С одной стороны... с другой стороны...»?

Дело отчасти в том, что вежливость всегда была свойственна англичанам. Англичане всегда извинялись за себя, где бы ни оказались. Им по душе смелость, честная игра и крикет, Уимблдон и Дерби по-прежнему занимают почетное место в их сердцах, но порой они чувствуют себя неловко, когда выигрывают. Кроме того, они не торопятся обозначать свою позицию, а то вдруг кто-нибудь вздумает с ними спорить. Отчасти это продиктовано политической корректностью – английская нация крайне неоднородна и вобрала в себя множество рас, – но дело не только и не столько в этом. Англичане всегда выражали свое мнение и обозначали свои ценности, оставляя простор для толкования, – и кто скажет, что они не правы? Но в этом действительно есть некая незавершенность.

Британская империя давно исчезла, «Юнион Джек» вполне может последовать вслед за распавшимся союзом, звуки гимна «Правь, Британия» не вызывают у слушателей ничего, кроме легкой неловкости (по словам самих англичан), и само слово «Британия» окончательно сдало позиции Соединенному Королевству (которое, как всем нам известно, вовсе не такое уж соединенное). Дни, когда политики могли беззаботно называть «англичанами» разом всех жителей Британских островов, остались в далеком прошлом.

Поэтому еще не было более подходящего момента, чтобы оживить английский дух, и цель моей книги – шаг за шагом собрать воедино это понятие, рассыпавшееся на множество пестрых фрагментов.

Написать эту книгу меня побудило еще одно соображение. Однажды я бродил по дивной красоты уголку английской природы, долине Монсал-Дейл в Дербишире. Когда-то Джон Рёскин протестовал против строительства здесь огромного путепровода, предназначенного для того, как он выразился, «чтобы любой дуралей из Бакстона мог за полчаса добраться до Бейквелла». Путепровод сохранился до наших дней и стал частью сети междугородних маршрутов, покрывающей всю страну. Спускаясь по склону к реке, я вдруг задумался о том, каким образом мои дети смогут узнать все те традиционные истории и песни, которые составляют их наследие.

Вряд ли их научат этому в школе. В национальном учебном плане бесконечно повторяется миф об основании современного британского государства – несостоявшемся вторжении 1940 года, – однако программа едва ли заходит дальше Тюдоров и беглого упоминания о римлянах. Если они будут ходить в англиканскую школу, то, возможно, выучат несколько традиционных гимнов, но этим дело, скорее всего, и ограничится.

Итак, если они собираются узнать, что значит быть англичанами, мне придется учить их самому. Но что же им рассказать? Может быть, спеть песню о Полли Оливер – или не стоит, а то вдруг меня сочтут буйно помешанным? Рассказать им о Робин Гуде и Непобедимой армаде? Или о сэре Джоне Муре в битве при Ла-Корунье и о капитане Скотте? Прочитать им «Детей Нового леса»? Или все это просто ветхие, никому не нужные пережитки времен «Аббатства Даунтон»?

Должны ли мы сегодня знать, в каком случае какая одежда уместна и откуда взялись костюмы в полоску? Нужно ли славить святого Георгия и отмечать его день? Все-таки подобные проявления английского духа заставляют людей нервничать.

В некотором смысле эта книга может послужить наглядным пособием для ответа на поставленный вопрос. Вы можете смело вручить ее пришельцу с другой планеты, и он получит исчерпывающее представление о том, кто такие англичане и каковы их основные свойства. Кроме того, в ней запечатлены все те милые и нелепые (в хорошем смысле) английские черты, которыми мы, несмотря ни на что, все же гордимся. В сущности, эта книга может заново научить нас быть англичанами. Она покажет, как это сделать, напомнив о тех особенностях и культурных нюансах, благодаря которым мы становимся англичанами.

И когда вы освежите в памяти все эти маленькие английские особенности, вам станет ясно, насколько эклектичной нацией мы всегда были. Как мало явлений и обычаев, которые мы зовем исконно нашими, могут похвастаться неоспоримо английским происхождением – в большинстве своем они были заимствованы из других культур разных уголков планеты, так же как мы присваиваем людей со всего света.

Англичане всегда были толерантной нацией (хотя вы вряд ли согласились бы с этим, будь вы иноземным купцом, за которым гоняются по задворкам средневекового Лондона дикие подмастерья Сити). Они впитывали и ассимилировали, не всегда гладко и не всегда осознанно, инородные элементы и создали парадоксальную пеструю культуру, которая обращена назад, к прошлому, и вместе с тем постоянно меняется.

«Морские ветра, скажите: поставится ли в вину / Презрение к Англии – тем, кто видел ее одну?»¹ – писал Редьярд Киплинг, призывая удивительно консервативных англичан взглянуть за пределы собственных берегов, туда, где их соотечественники боролись за жизнь в Калькутте и Лахоре, Шанхае, Каире и Лагосе. Действительно, чтобы понять самую простую и очевидную истину, иногда нужно прислушаться к тому, что говорят о тебе иностранцы.

Ивлин Во возражает на это устами Энтони Бланша, персонажа «Возвращения в Брайдсхед», язвительного, манерного сплетника, чей характер списан отчасти с Брайана

¹ Перевод Е. Витковского.

Ховарда, отчасти с Гарольда Эктона, персонажа, который читал стихотворение Т. С. Элиота «Бесплодные земли» команде гребцов на Крайстчерч-Медоу в Оксфорде. Он предостерегает героя против английского очарования:

«Обаяние – это английское национальное бедствие. Болезнь, которая распространена только на этих серых островах. Обаяние пятнает и губит всё, к чему прикасается. Оно убивает любовь, убивает искусство; боюсь, мой милый, что оно убило и *нас*...»²

Книга, которую вы держите в руках, полна английского обаяния, поэтому вам стоит помнить разумное предостережение Энтони Бланша. Возможно, то, что англичане упорно и даже упрямо отказываются требовать для себя слишком многого (хотя кое-кто может посчитать, что этот отказ продиктован исключительно ленью) и стремятся жить словно хоббиты, уютной добропорядочной жизнью без приключений, заставляет их столкнуться с трудностями и испытаниями, незнакомыми другим народам. Но здесь позвольте нам немного заступиться за англичан. По отдельности садовые домики, любовь к зеленым насаждениям и к футболу, ностальгия и гигантские пудинги с заварным кремом ровно ничего не значат. Но, взятые вместе, они составляют цивилизованный образ жизни, постоянно меняющийся и в то же время остающийся неизменным.

Итак, чтобы запечатлеть разнообразные курьезы, традиции и причудливые особенности английской культуры и истории для следующего поколения, прежде чем они будут безвозвратно забыты, я составил список из ста пунктов, которые вы найдете ниже. Думаю, каждый житель Англии выбрал бы что-то свое – отчасти именно это и делает нас англичанами, – но я надеюсь, читатели снисходительно отнесутся к моей личной подборке, моему персональному «списку вещей, которые нужно взять с собой на необитаемый остров», и используют его как отправную точку для составления собственного списка. А затем передадут его дальше.

² Перевод И. Бернштейн.

Весна

1

Альфред Великий

Одни народы переименовывают главные улицы и аэропорты в честь своих национальных героев, едва те успеют испустить последний вздох. Другие награждают эпитетом «великий» любого государственного деятеля, стоящего по нужную сторону закона, а заодно и пару-тройку деятелей с противоположной стороны.

У англичан все по-другому. Только один английский король за всю историю удостоился прозвания Великий, при этом он жил так давно, что теперь уже трудно установить, в самом ли деле он заслуживал подобной чести. Мы даже не знаем, где покоятся его кости – впрочем, учитывая, что в XVIII веке его могила была разорена пуританами, это, пожалуй, простительно.

Удивительно, как мало на самом деле мы знаем об Альфреде Великом. Из всех жителей Англии о нем лучше всего помнят те, кто живет в его столице, Винчестере, – там у южного въезда в город возвышается внушительная статуя короля с мечом.

Единственная история об Альфреде Великом, которую наверняка знает каждый, – это история о пирогах. Ее рассказал монах, записавший биографию советника Альфреда, святого Неота. В ней говорится о том, как король, осажденный викингами в Этелни, однажды отправился на прогулку и, погрузившись в раздумья, не заметил, как оказался у хижины свинопаса. По просьбе жены свинопаса он согласился присмотреть за очагом, в котором пеклись пироги, но так глубоко задумался, что не заметил, как пироги сгорели. Хозяйка сурово выбрала его, может быть, даже поколотила, но он так и не открыл ей, кто он такой.

Теперь эта история почти забыта, и все же у нее есть нечто общее со многими английскими историями. Главное в ней – не унижение короля и не его готовность безропотно принять наказание. Главное – то, что обыкновенная хозяйка может упрекнуть монарха. Это история о том, что практичность важнее интеллекта – весьма английская идея, – а также о том, как важно не опускать руки и упорно повторять попытки. Альфред, скрывавшийся в Этелни, потерпел сокрушительное поражение от данов, но по-прежнему обдумывал, как бы нанести им новый удар. История об Альфреде и пирогах – английский эквивалент истории о Роберте Брюсе и пауке: она учит никогда не сдаваться.

Альфред не сдавался, и именно это, в числе прочего, сделало его великим. Его вместе с союзниками осадили в окруженном болотами Этелни, вытеснив с равнин Сомерсета, и все же он сумел собрать армию, дать отпор викингам и в конце концов победить их. Более того, он заставил своего противника Гутрума принять христианство – таково было одно из условий их мирного соглашения.

Альфред родился в 849 году в Уонтедже, в мире, над которым нависла серьезная опасность. За полвека до его появления на свет с моря пришли викинги: в 793 году они атаковали остров Линдисфарн, где располагался знаменитый монастырь, и с тех пор продвигались дальше, захватывая одну за другой земли, которые мы сегодня называем Англией. Альфред, как Уинстон Черчилль, принял власть в поистине катастрофический момент, и случилось это в 870 году. Но он сумел снова подняться к вершине.

Викторианцы любили Альфреда: для них он был символом англосаксонской расы, на плечах которой держалось величие Англии. Они любили его за мудрость, за книги и переводы, за то, что он основал английский флот и построил первые верфи, превратившие Лондон в портовый город. Они боготворили англосаксов, несмотря на то что их довольно быстро оттеснил правящий класс, происходивший от северян – норманнов, как их тогда называли.

Кроме того, они любили Альфреда за то, что он стойко преодолевал выпадавшие на его долю испытания – здесь мы подразумеваем не только набеги викингов, но и постоянные

проблемы со здоровьем (по некоторым свидетельствам, он страдал болезнью Крона, хроническим воспалительным заболеванием желудочно-кишечного тракта).

Однако еще до того, как викторианский средний класс обратился к его памяти, Альфред служил для многих поколений символом радикальных перемен, будучи автором Законов и Свобод Старой Англии, уничтоженных позднее Вильгельмом Завоевателем. В сущности, законы Альфреда были довольно туманными: в них говорилось, например, о необходимости честно держать данную клятву и уметь писать на английском, если вы хотели занять должность судьи. Но они были по-своему важны, хотя и не могли сравниться с Великой хартией вольностей.

Письменных памятников того времени сохранилось очень мало, однако эти законы по настоянию сына Альфреда были записаны, с тем чтобы позднее их нельзя было «обратить в ничто, погрузив в туман забвения». Самому Альфреду до сих пор удавалось избегать подобной судьбы, хотя порой кажется, лишь по счастливой случайности.

*Вспомните, какие несчастья выпали на нашу долю в этом мире, когда
мы сами не берегли знания и не передавали их другим.
Альфред Великий*

2

Земельные участки

Движение за выделение во временное пользование земельных участков занимает в жизни Англии все более заметное место. В политике начало этому движению было положено во время забастовки фермеров в 1878 году. Разумеется, идея о выделении безземельным жителям небольших участков возникла намного раньше, чем начали протестовать фермеры Лимингтона, — она восходит непосредственно к средневековым поселениям, где люди могли пользоваться общинной землей для выпаса коров или обеспечения себя необходимым пропитанием. Однако акция фермеров обеспечила мощный старт политической карьере одного из участников кампании, который впоследствии сделал борьбу за выделение земельных участков основой своей деятельности.

Прошло почти полтора века с тех пор, как Джесси Коллингс предложил выдавать каждому нуждающемуся «три акра и корову». Впрочем, даже в 1880-х годах, когда кампания достигла пика, у государства вряд ли была возможность обеспечить всех желающих таким количеством земли. Итогом работы Коллингса стал принятый в 1908 году Акт о выделенных участках и малых владениях, против которого сам Коллингс, как ни парадоксально, протестовал. Акт вменил местным властям в обязанность обеспечить земельными участками всех желающих.

В XX веке подобные идеи время от времени возвращались, каждый раз вызывая всплеск энтузиазма, хотя теперь речь шла, разумеется, не об акрах и коровах, а о небольших полосках земли, где можно было выращивать овощи, чтобы прокормить семью, или просто почувствовать себя ближе к природе. Но в последнее время спрос на земельные участки сделался практически ненасытным. Желание получить землю во временное пользование выразили около 6 миллионов человек, а в одном из лондонских пригородов очередь потенциальных арендаторов уже расписана на сорок лет вперед. Не вполне ясно, что послужило причиной резкого роста заинтересованности, однако гораздо интереснее, почему до этого популярность земельных участков шла на спад, особенно если вспомнить, какой успех имела кампания по разворачиванию подсобного хозяйства «Копай для победы» (*Dig for Victory*) в годы Второй мировой войны.

В период между двумя мировыми войнами концепцию возврата к земле продвигали романтические объединения правого крыла — «Английская гильдия» и «Английский союз», а также Британский союз фашистов Освальда Мосли. Романист Генри Уильямсон, пламенный последователь Мосли, отнесся к этой концепции так серьезно, что купил ферму в Норфолке и до самого конца войны с переменным успехом пытался наладить на ней хозяйство. Его советник по сельскому хозяйству Джордан Дженкс, позднее один из основателей Ассоциации почвоведов, выступал за то, чтобы Британия могла самостоятельно обеспечивать себя сельскохозяйственной продукцией, а также за введение фиксированных цен, низкопроцентных займов для фермеров, поддержку мелкого фермерского производства и т. д.

Именно эти меры начал проводить в 1939 году министр сельского хозяйства сэр Реджинальд Дорман-Смит. В прошлом Дорман-Смит был членом «Английской гильдии», активно протестовавшей против промышленной консервации продуктов и истощения почвенных ресурсов, позднее он организовал кампанию «Копай для победы».

Эта кампания полностью изменила общую картину. В 1943 году в садах, парках и на пустошах страны насчитывалось 1,4 миллиона выделенных участков, которые приносили более 1 миллиона тонн овощей в год. Существовали специальные радиопрограммы о садоводстве (3,5 миллиона человек с нетерпением ждали выступлений С. Г. Миддлтона), у движения «Копай для победы» даже были собственные гимны. Но в 1970-х годах, спустя всего

одно поколение после окончания войны, в стране осталось только 530 тысяч выделенных земельных участков, и пятая часть из них пустовала. Что же произошло?

Возможно, свою роль сыграли окончательный отказ от системы нормированного распределения продуктов в 1954 году и появление супермаркетов самообслуживания (1950), положивших начало новой эпохе изобилия. Возможно, работа на земельном участке казалась новому поколению старомодной – занятием для пожилых, малообразованных и малообеспеченных людей. Власти страны тем временем были заняты решением жилищного кризиса, за которым последовал кризис неплатежей, а затем энергетический кризис.

Возможно, именно это и подкосило движение за выделение участков в 1950-х годах. Официальная политика обернулась против романтического энтузиазма садоводов и огородников. Но какой бы ни была настоящая причина, сейчас процесс повернул вспять, и мы проходим очередной этап развития самой, пожалуй, радикальной английской идеи – идеи возврата к земле.

Я выяснил, что даже в бесконечных лабиринтах нового Лондона наступает по ночам особый час, когда все ненадолго стихает и замирает, час, предшествующий появлению скрипучих тележек, стекающихся в город из окрестных садов, чтобы напомнить нам, что где-то еще существует сельская местность. В этой неподвижности я иногда представляю, будто слышу тихие и бесконечно далекие звуки: негромкий приветственный оклик и стук копыт приближающейся лошади.
Уильям Коббет

3

Извинения

В глубине души англичане уверены, что извинения должны быть взаимными. При этом важно, чтобы полученных извинений ни в коем случае не оказалось больше принесенных. Англичане, особенно принадлежащие к среднему классу, вполне могут с педантичной вежливостью начать извиняться первыми, когда кто-нибудь наступит им на ногу или толкнет на улице. Хотя они будут глубоко оскорблены, если собеседник не извинится перед ними в ответ.

Откуда берется эта щепетильность? Вряд ли англичан можно назвать более робкими и пугливыми, чем другие нации, – скорее даже наоборот. Однако они терпеть не могут открытой конфронтации и как раз для того, чтобы избежать ее, предпочитают извиниться первыми. Англичане хватаются за любую возможность избежать инцидента или сгладить его, пока он не превратился в некрасивую громкую сцену. У посторонних может сложиться впечатление, будто англичане любят формальности. На самом деле они могут вести себя куда свободнее, чем их континентальные соседи. Просто дело в том, что они не любят такого сорта интимность, которая возникает при открытой перебранке. Ведь это так неловко.

Пуританство вкупе с британской выдержкой, которую изобрел, по всей видимости, герцог Веллингтон в один из длинных летних вечеров Иберийской кампании, победили английскую спонтанность. Но так было не всегда. «Английские девушки божественно хороши собой, и у них есть один обычай, которым нельзя не восхищаться, – писал Эразм Роттердамский во время своей поездки в Лондон в конце XV века. – Когда вы приходите куда-нибудь, девушки целуют вас. Они целуют вас в знак приветствия. И целуют вас на прощание. И снова целуют, когда вы возвращаетесь. Стоит раз ощутить прикосновение этих нежных благоуханных уст, и вы будете готовы остаться здесь на всю жизнь». Увы, этот взгляд на Лондон погребен в недрах истории.

Печальный побочный эффект культуры превентивных извинений состоит в том, что англичане обычно молча терпят плохое обслуживание и плохую пищу – не потому, что их все устраивает (в стенах своих кухонь англичане не меньше остальных любят пожаловаться на жизнь), а потому, что они избегают публично высказывать недовольство.

Великая комедийная актриса Джойс Гренфелл прекрасно сыграла характерную смесь растерянности, неловкости и попыток сохранять любезность в роли хозяйки маленькой брайтонской гостиницы, столкнувшейся с открытым недовольством клиентов, в фильме «Женевьева» (1953). Горячая вода бывает только с двух до четырех часов дня, извиняющимся тоном сообщает она своим новым постояльцам. Номер оформлен в коричневых тонах, а окно выходит на башню с оглушительно громкими городскими часами. Молодые супруги высказывают недовольство, но, поскольку им больше некуда пойти, поднимаются в номер. Потрясенная их поведением хозяйка поворачивается к другим постояльцам.

– Раньше никто ни на что не жаловался, – растерянно говорит она.

Пожилая леди смотрит вслед удаляющейся паре и изрекает:

– Они что, американцы?

Как извиняться по-английски (по материалам курсов Bloomsbury International English):

1. *Простите.*
2. *Мне так (очень/ужасно/страшно) жаль.*
3. *Как неосторожно с моей стороны!*
4. *Мне не стоило...*

5. *Это я во всем виноват.*
6. *Пожалуйста, не сердитесь на меня.*
7. *Надеюсь, вы сможете меня простить. / Пожалуйста, простите меня.*
8. *Я не могу выразить/передать, как мне жаль.*
9. *Приношу извинения за... / Я хотел бы принести извинения за...*
10. *Прошу вас, примите мои (искренние) извинения.*

4 The Beatles

Мировой имидж Англии заключает в себе странный парадокс. С одной стороны, ее представляют как воплощение порядка и пасторальной сельской жизни («И будет наша Англия жива, покуда вьются сельские дороги»). Считается, что англичан окружает атмосфера традиций и консервативного этикета, а в иностранных фильмах их обычно изображают как напыщенных болванов или психопатов, рвущихся к власти над миром. Но взгляните на Англию: на протяжении последних ста лет 80 % ее населения составляют жители городов. Англия превосходит многие страны в области технологий, от промышленной революции до интернета, и неизменно идет впереди в рекламе и молодежной культуре.

Выйдя на сцену со своим первым хитом в Ливерпуле в 1962 году, *The Beatles* с беспрецедентной ясностью продемонстрировали, как далек мировой имидж Англии от ее повседневной реальности. У нас был премьер-министр Гарольд Макмиллан, родившийся еще при короле Эдуарде, торжественная смена караула у Букингемского дворца и старики, которые, по словам поэта Джона Бетчмана, «не ведали страха, не знали обмана». И вдруг откуда ни возьмись появились эти четверо длинноволосых юнцов, которые взяли штурмом вершины знаменитых американских хит-парадов, схватили 60-е за горло, оседлали поднявшуюся следом психоделическую волну и намертво впечатали свои песни в нашу память. Они стали фоном, на котором разворачивалась жизнь каждого человека во второй половине XX века, и не только в Англии, но и далеко за ее пределами.

Однако парадокс прячется еще глубже. Второе имя Джона Леннона – Уинстон, хотя позднее он сменил его на более подходящее. Стихи песни *When I'm 64* («Когда мне стукнет 64»), где говорится в том числе о простой мечте завести «домик на острове Уайт, если он будет не слишком дорог», свидетельствуют о тонком понимании Англии прежних лет – времен родителей музыкантов. Впрочем, автором упомянутых строк был Пол Маккартни, а Леннон заметил, что сам он «никогда не написал бы такую песню».

Сначала группа называлась *The Quarrymen*, затем она сменила несколько названий – *The Blackjacks*, *Johnny and the Moondogs* – и лишь позднее музыканты остановились на варианте *The Beatles*, а друг Леннона и участник первого состава группы Стюарт Сатклифф сделал во время поездки в Гамбург знаменитую «битловскую» стрижку. В 1962 году группа привлекла внимание владельца местного магазина грампластинок Брайана Эпстайна, за этим последовала запись первого альбома в студии Эбби-роуд. Осенью 1963 года музыкантов встретили в залитом дождем аэропорту Хитроу сотни визжащих фанаток – так началась битломания.

«Великолепная четверка» (название предложил Тони Бэрроу, отвечавший за связи с прессой) – Джон Леннон, Пол Маккартни, Джордж Харрисон и Ринго Старр – вышла на рынок США в 1964 году, и летом того же года американский фолк-певец Боб Дилан познакомил их с марихуаной (весь следующий год их дантист тайно добавлял музыкантам в кофе ЛСД). Это был важный кросс-культурный момент. К моменту распада *The Beatles*, всего через шесть лет, они стали самой знаменитой и успешной рок-группой в истории, продав около 600 миллионов пластинок.

Культурное влияние *The Beatles* было огромным, от причудливого своеобразия *Sgt. Pepper's Lonely Hearts Club Band* (1967) до более поздних работ. Совместно они заложили основы интеграции английской и американской культуры, отголоски которой можно наблюдать и в наши дни.

Леннон был застрелен в Нью-Йорке в 1980 году, Харрисон скончался от рака в 2001 году, но два оставшихся члена группы продолжают участвовать в жизни Англии: Маккартни выступал на концерте в честь Золотого юбилея королевы Елизаветы II, а Старр озвучивал рассказчика в детском мультсериале «Томас и его друзья», который можно назвать еще одним важным культурным заимствованием с северо-запада Англии.

The Beatles в цифрах:

Количество проданных во всем мире пластинок The Beatles: 600 миллионов экземпляров

Количество проданных в Великобритании экземпляров альбома Sgt. Pepper's Lonely Hearts Club Band: 4,5 миллиона

Количество хитов, написанных Полом Маккартни: 32

Количество песен The Beatles, в названии которых есть женское имя:

18

5 Пиво и эль

Множество типично английских особенностей, о которых пойдет речь в этой книге, на самом деле пришли к нам из других стран, но пиво можно с уверенностью назвать исключением из этого правила. История пива в Англии прослеживается так далеко, что приходится признать: оно появилось едва ли не раньше самих англичан и его пили на этих островах за несколько столетий до прибытия Хенгиста, Хорсы, Кердика и прочих англосаксов.

Кельты варили пиво из солода, воды и дрожжей, а от них этот обычай переняли римляне, предварительно отправив в Рим короля бриттов Карактакуса. Нам даже известно имя одного римского пивовара: его звали Атректус, и жил он в крепости Виндоланда на валу Адриана. Вероятно, шансы пережить зиму в этих местах были непосредственно связаны с количеством употребленного внутрь пива.

Поскольку пивоварение на островах относится к тем традициям, которые действительно можно проследить до древнейших времен, мы вынуждены сделать вывод, что его появление и развитие напрямую связано с местным климатом. Британский климат, за исключением разве что пары последних лет, был в целом неблагоприятным для выращивания винограда, что автоматически исключало возможность изготовления вина. Что еще оставалось нашим предкам, кроме как варить пиво? И они варили его в огромных количествах в каждом доме, каждом пабе, у каждой реки.

Строго говоря, тогда это было не пиво, а эль: напиток, по определению, не может считаться пивом, пока в него не добавят шишки хмеля, и предположительно это нововведение было придумано не в Англии. Нетрудно вообразить, какой поднялся крик, когда первые бочки пива с добавлением хмеля доставили в XV веке из Нидерландов. Идея была встре-

чена в штыки, однако запрещать ее не стали – единственным законодательным ограничением стало то, что пивоварам с тех пор не позволялось изготавливать одновременно пиво и эль. Либо одно, либо другое.

Англичане не только издавна варили пиво и эль, но и поглощали его в немыслимых количествах: к концу Средних веков на душу населения, включая мужчин, женщин и детей, приходилось 60–66 галлонов в год. Впрочем, это не кажется удивительным, если вспомнить, что пиво употребляли с каждым приемом пищи и что оно было, по сути, единственным доступным и безопасным напитком.

Должно быть, поэтому на заре промышленной революции Уильям Коббет и другие публицисты обратили свои остро заточенные перья против чая – напитка, предательски ослаблявшего моральную стойкость нации, – призывая англичан вернуться к пиву.

Одним из любопытных аспектов английской жизни, сохранившимся до XX века, была привычка заводских и фабричных рабочих выпивать после окончания смены невероятное количество пива: за вечер один человек мог прикончить до 15 пинт.

И только в XX веке многочисленные разновидности традиционного английского теплого (на самом деле температуры подвала) пива – биттер, майлд, браун, индийский пейл и другие лондонские специалитеты, которые разливали из кранов на стойке бара, – начали отступать под натиском универсальных охлажденных лагеров, произведенных транснациональными корпорациями.

Англичане никогда не создавали шумихи вокруг своего пива. Они не проводили пивных фестивалей, как в Америке, у них не было ничего похожего на немецкий Октоберфест. Они просто стояли у стойки бара, потягивая из кружки свое пиво, и не замечали, как их пивные компании постепенно объединяются и консолидируются, становясь почти неотличимыми друг от друга, и как то же самое происходит с пабами, одним за другим.

Важное для англичан новшество было введено в 1963 году с легализацией домашнего пивоварения. Теперь каждый мог варить собственное пиво, и пивоварение стало той областью, где англичане сумели провести своего рода контрнаступление в защиту собственной культуры, опираясь на крошечные домашние пивоварни и пабы с собственным производством, при поддержке кампании «Настоящий эль», популяризовавшей это партизанское движение.

Дядюшка Рэт тем временем внимательно изучал этикетку на одной из пивных бутылок.

– Я полагаю, что это «Старый Бэртон», – заметил он одобрительно. – Разумный Крот! Это как раз то, что нужно! Мы сможем сделать подогретый эль! Давай-ка готовь все остальное, дружище, а я пока повытаскиваю пробки.

Кеннет Грэм, «Ветер в ивах» (1908)³

³ Перевод И. Токмаковой.

6

Колокольный звон

Так называемый переменный звон (звон церковных колоколов, создающий мелодичные переливы) – характерная особенность Англии. В других странах, разумеется, тоже есть церковные колокола, но в Англии в них звонят иначе, возможно, потому, что английские колокола всегда были довольно большими, а колокольни прочными, и вдобавок колокола могли поворачиваться на 180 градусов. Кроме того, к делу приложили руку математики XVII века Ричард Дакворт и Фабиан Стедман, опубликовавшие в 1668 году трактат «Тинтинналогия, или Искусство колокольного звона», – они спасли культуру колокольного звона от пуритан, указав на его сложные математические аспекты.

Колокола были распространены в Европе со второй половины XIII века. Они могли служить местными часами, отбивая время, когда людям пора было вставать, начинать работу, заканчивать работу или ложиться спать. По меньшей мере в трех населенных пунктах Англии, в том числе в Бервике-на-Твиде, колокола до сих пор звонят отбой в конце дня. Однако именно для англичан колокольный звон стал особенно близким и родным. У нас есть свадебные и погребальные звоны, а также особый колокол, который звучит во время вражеского вторжения, – поэтому колокольный звон был полностью запрещен в 1940–1945 годах. Есть призрачные колокола, чей звон доносится с моря, недалеко от берегов Данвича и Селси. В романе Дороти Ли Сэйерс «Девять портных» (1934) есть даже таинственное убийство, связанное с колокольным звоном.

Английские колокольни не раз играли важную роль в истории: в 1588 году колокольный звон возвестил о необходимости зажечь на маяках сигнальные огни, чтобы предупредить жителей о подходе Непобедимой армады, а тщательно разработанная система передачи сигналов от одной церковной колокольни к другой позволяла всего за двадцать минут донести сообщение из Адмиралтейства в Лондоне до нельсоновского флота, стоявшего на якоре в Портсмуте.

В 1668 году, когда была издана «Тинтинналогия», произошло еще одно событие: в тот год родился Джон Хетфилд. Имя этого в целом ничем не примечательного человека наверняка было бы забыто, если бы не один любопытный случай. Около 1690 года Хетфилд нес стражу на балконе Виндзорского замка и заснул на часах, за что был отдан под трибунал. Во время суда он решительно отрицал свою вину. Чтобы доказать, что обвинение несправедливо и в ту полночь он на самом деле не спал, он сообщил, что слышал нечто необыкновенное. Он слышал вдалеке, в долине Темзы, звон Большого Тома: старинный колокол на башне против Вестминстерского дворца ударил ровно тринадцать раз. Нетрудно догадаться, что эта история совершенно не убедила судей. Более того, по их мнению, она неоспоримо доказывала вину стражника. Он был приговорен к казни.

Однако за несколько дней до повешения новости об этой истории достигли Вестминстера, и несколько человек поклялись, что в ту ночь тоже слышали, как Большой Том прозвонил тринадцать раз. Причиной тому послужила особенность часового механизма – задержка рычага отмыкания. Казалось невероятным, что Хетфилд услышал колокол, находясь от него на таком расстоянии, в Виндзоре, но все же этот факт подтвердил его невиновность. Вильгельм III помиловал его. История умалчивает о том, что произошло с Хетфилдом потом, но известно, что он скончался в своем доме в Глассхаус-Ярде, Олдерсгейт, 18 июня 1770 года, в царствование короля Георга III, в возрасте 102 лет.

Древний колокол по имени Большой Том отлили еще в XIII веке, и до Реформации его называли Эдуардом. В 1698 году его колокольную разрушили, а сам колокол продали собору Святого Павла. По дороге на новое место колокол свалился с телеги на подъезде к Темпл-

бару, границе Сити, и треснул. После этого его несколько лет хранили в одном из хозяйственных помещений при соборе и наконец отлили заново в 1709 году в колокольной мастерской Уайтчепела, которая сохранилась до наших дней, а затем подняли на башню собора Святого Павла, где он и сейчас отбивает часы.

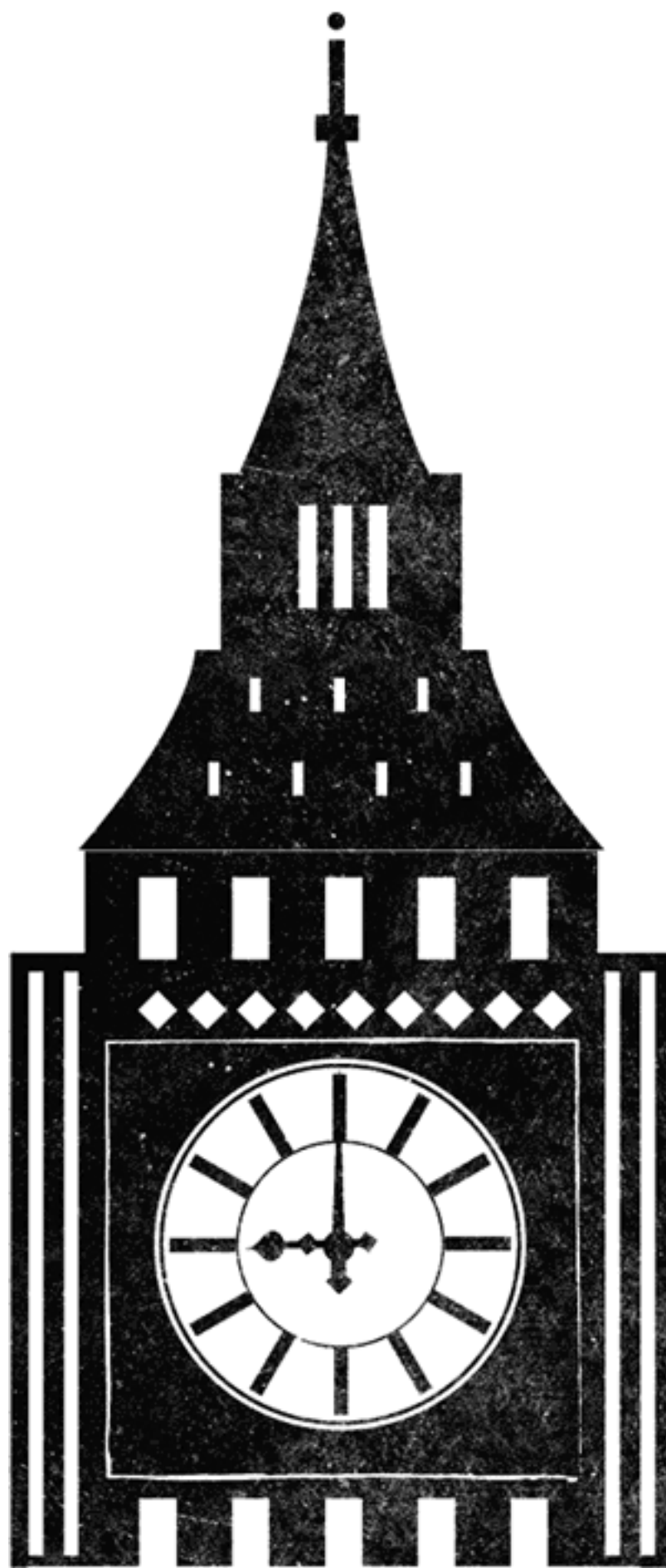
Кроме того, этот колокол отмечал своим звоном смерть членов королевской семьи, епископа Лондона, настоятеля собора Святого Павла и лорда-мэра, если тот умирал на своем посту, – но это, как мог бы сказать Редьярд Киплинг, уже другая история.

Король Эдуард создал и нарек меня.

С тем чтобы милостью святого Эдуарда отсчитывать время.

Перевод латинской надписи внутри Большого Тома

7
Биг-Бен

Вряд ли найдется более известное и узнаваемое английское здание, чем эта необычная неоготическая часовая башня, отделяющая Вестминстерский дворец от Вестминстерского моста. Сама башня выглядит слишком современно и лаконично, чтобы ее можно было все-речь принять за средневековую постройку, но ее вершина возвышается, словно собор, над циферблатом часов, на фоне которых разворачивались кульминационные моменты множества фильмов, от «Тридцати девяти ступеней» до «Шаровой молнии». Она узнаваема с первого взгляда, хотя ее вряд ли можно назвать особенно красивой.

Впрочем, Огастес Пьюджин, основоположник неоготики, для которого эта постройка стала последним великим достижением, приведшим его к физическому истощению и безумию, с этим вряд ли согласился бы.

Часовая башня, как ее называли со времен постройки, в год Алмазного юбилея правящей королевы (2012) была переименована в Башню Елизаветы, однако это название не прижилось. Все же англичане не из тех, кто постоянно переименовывает свои улицы и постройки в честь недавно усопших или еще здравствующих героев.

Как всем известно, на самом деле имя Биг-Бен, или Большой Бен, носит колокол, не менее прославленный, чем башня, в которой он находится. Мы каждый день слышим его голос на канале BBC перед выпуском новостей. Его необычный перелив (дин-дон-дин-дон – говорят, что это адаптированная для колоколов церкви Святой Марии в Кембридже мелодия Генделя) знаком нам по телевизионной сатире, навязчивым рингтонам и из многих других источников.

Во время строительства башни возник бурный спор по поводу часов: никто не торопился вкладывать деньги в их изготовление, пока высота башни не достигнет 150 футов. В итоге часы заняли свое законное место только в 1859 году, спустя 25 лет после того, как старый Вестминстерский дворец и здания парламента сгорели дотла.

К этому времени колокол уже подняли на башню, впрочем, и здесь не обошлось без неприятностей. Во время испытаний в 1857 году он треснул, и его пришлось отливать заново. В 1858 году его снова установили на башне, испытали и в 1859 году опять раскололи. На этот раз чинить его не стали, и он остался с трещиной до наших дней. Решить проблему позволил типично английский компромисс в виде облегченного колокольного молота. В 1863 году колокол наконец зазвонил. Вам придется попотеть, чтобы подняться по лестнице на 315 футов вверх и увидеть тщательно отлаженный старинный механизм и викторианские пенни, которые до сих пор стоят на страже точного времени: считается, что монетки смещают хронометраж часов на 0,4 секунды в день в одну или другую сторону.

Согласно широко распространенному мнению, Биг-Бен получил свое название в честь Бенджамина Холла, руководившего установкой колокола. Но есть и альтернативная версия, гласящая, что на самом деле Биг-Бен назван в честь знаменитого боксера-тяжеловеса Бенджамина Каунта: такое прозвище дали колоколу рабочие, поднимавшие его на башню.

Кроме колокола с трещиной у Биг-Бена есть еще одна проблема: башня стоит на месте бывшего острова Торни, на песчаном берегу, соединенном с болотистой полоской земли между двумя протоками реки Тайберн. Расположенная напротив Башня Виктории, в свое время самое высокое здание в стране, была и вовсе построена на рыхлом водоносном песке. Рабочие, расширявшие подземную станцию Вестминстер, вынуждены были остановить огромный тоннелепроходческий щит из-за того, что Биг-Бен начал оседать. Теперь башня слегка отклонена к северо-западу и в зависимости от погоды едва заметно раскачивается из стороны в сторону, почти как мнения членов парламента, заседающих несколько ниже.

Часы на башне Биг-Бен, своеобразный символ британской надежности, пережили серьезную поломку лишь однажды, в августе 1976 года. То долгое жаркое лето навсегда изменило Англию, заставив владельцев лондонских ресторанов впервые вынести столики

на улицы. Еще раз часы остановились без всякой видимой причины, но также при очень жаркой погоде в мае 2005 года.

Биг-Бен остается символом всего английского – элегантный, эксцентрично старомодный и непоколебимо надежный. Его циферблат виднеется сквозь туман и морозящий дождь, словно бледный лунный диск, а свет наверху говорит о том, что парламент заседает до поздней ночи, члены парламента не жалея сил борются с проблемами нации и в мире все идет своим чередом.

*В сей час, Господь,
Меня направь
И оступиться
Мне не дай.*

*Стихи, начертанные на стене Часовой башни: они положены на мелодию,
которую вызывают колокола*

8

Кентербери

В 1933 году сын Уинстона Черчилля, красавец и повеса Рэндольф, потянув за нужные ниточки, устроил своего старого приятеля Джона Бетчемана писать колонку светской хроники в газете *The Evening Standard*. Пост редактора в то время занимал бывший шпион Роберт Брюс-Локхарт. Бетчеман не был шпионом, однако неплохо разбирался в светской жизни.

Но даже с учетом этого он оказался не вполне готов к своей новой работе. Одним из его первых заданий стало интервью с голливудской звездой Мирной Лой, тогда находившейся в зените славы. Весьма смутно представляя себе, о чем говорить с актрисой, Бетчеман, будущий поэт-лауреат Великобритании, принялся расспрашивать ее о том, что занимало его самого. «Вам нравится перпендикулярная архитектура?» – осведомился интервьюер. Он даже ухитрился убедить ее ответить, что она этим «очень интересуется».

В самом деле, нет ничего более английского, чем перпендикулярная архитектура. Эта английская разновидность готического стиля отличается самобытным, более мягким характером, чем готика, зародившаяся во Франции, где первым образцом стала церковь аббатства Сен-Дени, построенная в 1144 году. Этот архитектурный стиль, устремленный ввысь и состоящий как будто из одних вертикальных линий и длинных узких окон, окончательно сложился в 1360-х годах, отразив ужас людей перед страшной чумой – Черной смертью.

Прекрасным образцом готического стиля служит невесомый, словно парящий в воздухе неф Кентерберийского собора. Его создал самый знаменитый английский архитектор Средних веков Генри Йевел. Пожалуй, из всех примеров перпендикулярной архитектуры больше всего известны башни и тянущиеся к небу контрфорсы Кентерберийского собора, постепенно достраивавшегося не одно столетие (последняя башня была закончена только в 1858 году).

Но Кентербери можно назвать типично английским не только из-за его архитектуры. Камни собора хранят эхо многих исторических событий, и радостных, и мрачных. Здесь, на ступенях между криптой и хорами, был убит Томас Бекет. Его мозг брызнул на камни с клинков четырех рыцарей, убежденных, что они выполняют отданный сгоряча приказ Генриха II. Бекет был вторым из четырех архиепископов Кентерберийских, погибших не своей смертью (первым был Альфедж, взятый в плен, а затем убитый викингами в Гринвиче в 1012 году).

В 1170-х годах собор переживал бурный период своей истории. Бекет погиб в конце 1170 года и вскоре был канонизирован, и собор неожиданно получил значительный источник дохода, став на следующие три столетия популярным местом паломничества и новой остановкой на пути пилигримов, идущих из Лондона в Винчестер. В середине 1170-х годов старые хоры собора уничтожил пожар, и потребовалась основательная перестройка. Церкви на этом месте строили задолго до прихода святого Августина в 597 году. Здесь стоял римский храм и, возможно, еще более старые святилища. В 1174 году собор обрел новый готический облик. Поначалу работами руководил французский архитектор Гийом из Санса: он первым принес элементы готики на эти берега. Однако после падения со строительных лесов Гийома разбил паралич, и он назначил своим преемником Уильяма Английского.

Уильям расширил собор к западу и возвел часовню Троицы, где был захоронен незадолго до того канонизированный Томас Бекет. Поначалу в новой часовне хранилась лишь верхняя часть черепа Бекета, срубленная мечом одного из убийц. После 1220 года все останки святого были перенесены в часовню. День поминовения Томаса Бекета также перенесли с конца декабря на конец июля, чтобы паломникам было удобнее добираться в собор по сухим летним дорогам. Минуло три века паломничеств и чудес. К моменту восшествия

на престол Генриха VIII гробница святого обзавелась деревянной крышкой, подняв которую, можно было увидеть россыпи драгоценностей, поднесенных верующими.

Тиран от природы, Генрих никак не мог смириться с таким положением вещей. Он обвинил Бекета в измене и приказал ему предстать перед судом. Разумеется, Бекет, уже несколько столетий лежавший в могиле, не явился в зал суда. Однако это никого не смутило, и суд состоялся в его отсутствие. Бекета признали виновным. Конфискованные у святого драгоценности вывозили из Кентерберийского собора на двадцати шести телегах.

В 1888 году, к всеобщему восторгу, в крипте собора была обнаружена неизвестная ранее безымянная могила, а совсем недавно, в 1990 году, в соборе среди ночи арестовали двух бывших солдат Иностранного легиона: с собой у них была карта, нарисованная французским археологом, и гвоздодер. Они намеревались вскрыть могилу кардинала Шатильона (ум. 1571), полагая, что на самом деле в ней лежат кости Бекета.

Тайны Кентерберийского собора намного более английские, чем может показаться на первый взгляд. Ностальгическая вера в неразрывную связь протестантских времен с нашей старой английской католической верой и непреходящий символ сопротивления власти государства – все это не просто романтично, в этом есть нечто глубоко английское.

Тем временем архиепископы Кентерберийские продолжали сменять друг друга на кафедре собора и в покоях лондонской резиденции – Ламбетского дворца. Их жизнь была неразрывно связана с судьбой государства, а с их властью в стране мог поспорить только сам монарх. На момент, когда я пишу эти строки, в Англии было 105 архиепископов Кентерберийских – и каждый из них носил занятный, неуловимо дарвинистский титул «примаса Англии».

Четыре архиепископа-мученика:

Альфедж (пленен и убит в 1012 г.)

Томас Бекет (зарублен убийцами в 1170 г.)

Томас Кранмер (сожжен в 1556 г.)

Уильям Лод (обезглавлен в 1645 г.)

9

Хлопок

Христофор Колумб, избороздивший вдоль и поперек Карибское море, до конца жизни был уверен, что открыл западный путь в Китай, и одна из причин заключалась в том, что так называемые индейцы, которых он нашел на Кубе, носили одежду из хлопка. Хотя, вероятнее всего, они тоже получили эту одежду с востока, где в те времена производили весь хлопок мира.

Англичане опоздали к началу первооткрывательской гонки. Джон Кабот и его сын Себастьян, заложившие основы английских притязаний на Америку, родились в Генуе (отец) и в Венеции (сын). Спасаясь от кредиторов, семья прибыла в Бристоль. Джон убедил рачительного Генриха VII выдать ему жалованную грамоту для поиска новых земель, «не известных никому из христиан». На данном этапе хлопок вряд ли занимал какое бы то ни было место в списке приоритетов англичан. Торговлю хлопком тогда держали в руках Антверпен и Венеция.

Сведения о том, кто и когда начал первым выращивать хлопок, потерялись во мраке времен. Скорее всего, это произошло около 7000 лет назад в Перу и Мексике на западе и в Индии на востоке. Известно, что солдаты Александра Македонского начали носить одежду из хлопка в 326 году до н. э., когда его армия дошла до Индии. Однако история хлопка как всемирного предмета потребления оказалась тесно переплетена с историей Англии. Как это получилось? Ответ на этот вопрос – в успехах Ост-Индской компании, в середине XVII века поставившей импорт хлопка на поток.

К тому времени англичанам изрядно наскучила шерсть, составлявшая их основное богатство. Шерстяная ткань была слишком тяжелой и неподатливой, слишком английской. В XVIII веке предметом всеобщего увлечения стал хлопок, который доставляли из Индии торговые суда Ост-Индской компании под полосатыми красно-белыми флагами. Хлопковые ткани были легкими, без труда отстирывались, и их можно было разнообразить набивным рисунком. Неудивительно, что они мгновенно вошли в моду.

В истории хлопка в Англии есть две ключевые даты: 1764 год, когда Джеймс Харгривз из Ланкашира изобрел прядильную машину «дженни», и 1771 год, когда Ричард Аркрайт открыл в Дербишире хлопкопрядильную фабрику. После этого хлопок наряду с углем и паром стал одним из трех китов, на которых зиждилась английская промышленная революция. Вдоль крупных рек центральных и северных графств Англии выросли «дьявольские мельницы» – мануфактуры Бейла, где мужчины, женщины и дети круглосуточно стояли за ткацкими станками, превращая привезенное из Индии и Америки хлопковое сырье в ткани, отправлявшиеся затем во все уголки мира. К тому моменту, когда Нельсон встретил франко-испанский флот у мыса Трафальгар, хлопковые ткани составляли более 40 % английского экспорта.

В те времена основным источником хлопка были рабовладельческие плантации американских южных штатов. Это одновременно и темная, и светлая страница в истории Англии. Да, английские банкиры косвенно поддерживали работорговлю, оплачивая сырье, которое производили на плантациях рабы и которое затем обрабатывали на английских прядильных фабриках дети, работавшие по двадцать часов в сутки в невыносимой духоте. И все же Англия сама положила конец работорговле и поклялась полностью уничтожить рабство, а также – очень медленно – начала осознавать, что экономика фабричного труда мало чем отличается от рабовладельческой.

Английское производство настолько зависело от американского хлопка, доступ к которому оказался перекрыт блокадой южных штатов во время Гражданской войны в США, что

Британия была почти готова вступить в войну на стороне рабовладельческого Юга. Парадоксальное намерение для нации, которая недавно поздравляла себя с отменой рабства в пределах своей империи.

Не менее жестокий парадокс заключался в том, что Индия, которая когда-то одевала войска Александра Македонского и продавала хлопковые ткани Васко да Гаме, вскоре сама начала импортировать хлопок с фабрик Ланкашира.

Гражданская война в Америке и блокада Союза нанесли английской текстильной промышленности тяжелый удар. Не менее тяжелым оказался инициированный Ганди бойкот английских хлопковых тканей в Индии.

Еще один удар эта отрасль получила, когда в XX веке крупные розничные продавцы одежды начали перепоручать свое производство другим компаниям. В 1930 году сеть розничных магазинов одежды *Marks & Spencer*, основанная еврейским эмигрантом из Польши, продавала каждую четвертую пару хлопковых носков в Соединенном Королевстве. Компания заключила ряд стратегических партнерских соглашений с текстильными компаниями, в том числе с компанией *Corah* в Лестере. Их сотрудничество длилось больше полувека, но к 1990-м годам в Англии и Шотландии осталось всего десять крупных предприятий, производивших $\frac{2}{3}$ продукции *M&S*. Однако компания давила на них так же жестко, как позднее супермаркеты Большой четверки давили на поставщиков продуктов питания. *Corah*, первый долгосрочный партнер *M&S*, вместе с остальными предприятиями оказалась в бедственном положении и несла убытки. В 1989 году она была перекуплена финансовой компанией *Charterhall*, а затем распалась.

К концу столетия остальные поставщики также прекратили свое существование. Так наступил конец тесных отношений Англии с хлопком. Совсем не счастливый финал, откровенно говоря.

Если нам вздумают объявить войну, мы бросим весь мир к своим ногам, не сделав ни единого выстрела, не обнажив ни одной сабли. Что произойдет, если на три года прекратить поставки хлопка?.. Англия рухнет и увлечет за собой весь цивилизованный мир. Нет, вы не осмелитесь объявить войну хлопку. Никакая сила на земле не осмелится объявить ему войну. Хлопок правит миром.

Речь Генри Хаммонда в сенате США, объясняющая, почему северные штаты никогда не объявят войну Югу (1858)

10 Нарциссы

Если Уильям Вордсворт самый известный английский поэт, то «Нарциссы» («Я брел один среди долин»), несомненно, самое любимое из его стихотворений – в нем поэт рассказывает, как наткнулся в лесу на «сонм нарциссов золотых». Стихотворение было создано около 1804 года (тогда же Уильям Блейк написал свой «Иерусалим»), однако тот реальный случай, о котором в нем идет речь, произошел немного ранее, во время прогулки Вордсворта со своей сестрой Дороти 15 апреля 1802 года.

То, что это стихотворение появилось в апреле, вовсе не случайность: нарцисс всегда был самым радостным и вместе с тем самым неожиданным вестником весны. Конечно, мы

помним, что нарцисс – национальный цветок Уэльса, но он имеет особое значение и для англичан, о чем свидетельствует многообразие его названий в английском языке.

Он известен как нарцисс бледно-желтый, а также восточная лилия или колокольчики фей. В Сомерсете его называли гусиной лапкой, в Девоне – кувшинчиком Четырешестидесятицы, в Норфолке – цветком королевы Анны, в Ланкашире – масляной, в западных графствах были свои варианты – кукушкина заря или первоцвет.

Стихотворение впервые появилось в опубликованном в 1807 году сборнике стихов Вордсворта. Лорд Байрон раскритиковал сборник в пух и прах, назвав его наивным и незрелым, и даже Сэмюэл Тейлор Кольридж, близкий друг Вордсворта и один из первооткрывателей романтического направления в поэзии, счел стихи бессвязными и напыщенными. Впрочем, подавляющее большинство англичан думает иначе: презрение современников не помешало «Нарциссам» стать одним из самых любимых стихотворений нашего народа.

Нарциссы не только радуют глаз яркими цветами, но и таят в себе множество замечательных свойств. Немногие знают, что нарцисс – слабоядовитое растение и в прошлом его нередко использовали как рвотное средство, а в наши дни нарцисс – важнейший компонент лекарства против болезни Альцгеймера.

За парком Гобэрроу мы заметили на берегу несколько нарциссов и сначала вообразили, что волны озера вынесли семена цветов на берег, где выросла эта маленькая колония. Но чем дальше мы шли, тем больше нарциссов нам попадалось, – и наконец мы увидели вдоль берега, под сенью склонившихся ветвей, длинную полосу цветов, широкую, как сельская дорога. Я никогда прежде не видела таких красивых нарциссов. Они росли повсюду среди покрытых мхом камней. Одни цветки словно дремали, прислонив к камням свои головки, другие трепетали, раскачивались, танцевали – и как будто звонко смеялись, встречая дуновения прилетающего с озера ветра, – бесконечно танцующие, бесконечно меняющиеся, веселые и нарядные.
Дневник Дороти Вордсворт (15 апреля 1802 года)

11

Ост-Индская компания

У англичан есть одна неожиданная черта: во имя победы они вполне способны мириться с хаосом и беспорядком. Достаточно вспомнить, сколько сумасшедших рискованных планов воплотили в жизнь дерзкие молодые офицеры на полях двух мировых войн. Или посмотреть на англичан, когда они играют в футбол. Или с удивлением обнаружить, какое великое удовольствие им доставляет финансовая неразбериха.

Итак, давайте обратим взгляд в прошлое, к временам расцвета Ост-Индской компании – в 1690-е годы, когда лондонские кофейни превратились в стихийные центры обмена новостями и сплетнями, а также – финансовых спекуляций. В 1695 году, после отмены Лицензионного акта, ограничивавшего свободу печати, кофейни стали издавать собственные газеты, а владельцы газет, включившись в конкурентную гонку, начали в свою очередь открывать собственные кофейни. Гравюры того времени достоверно изображают тамошнюю неповторимую атмосферу: ловкачи проворачивают свои темные делишки в густых парах джина.

В этом водовороте родился еще один английский тип – искатель крупной наживы, финансовый буканьер. Ярчайшим представителем этого типа был сэр Джозайя Чайлд: бывший пивовар из Портсмута, он появился на финансовом рынке с купленным титулом баронета и полными карманами ценной информации самого разного свойства. Осмотрительно разбрасывая там и тут ее драгоценные крупницы, он сумел подняться на недостижимую высоту.

Вот как описывал его деятельность памфлетист Даниэль Дефо:

«Продает сэр Джозайя или покупает? Если сэр Джозайя намерен сделать покупку, то первым делом он велит своим поверенным принять опечаленный вид и, покачивая головой, намекать на плохие новости из Индии... и в конце концов доверительно шепнуть собеседнику: “Сэр Джозайя поручил мне спешно продавать все, что удастся продать”. Возможно, они действительно продавали на десять или даже двадцать тысяч фунтов... чтобы заманить толпу маклеров в хитро сплетенные сети уловок и недомолвок, по части которых они и сейчас слышат величайшими мастерами, когда-либо виденными в этой стороне света».

Чайлд прославился тем, что сумел подкупить Якова II (на это ушло десять тысяч фунтов стерлингов) и воспользовался его покровительством, чтобы превратить Ост-Индскую компанию в настоящую финансовую и военную махину. Компания больше не заискивала перед правителями Востока и монополистическими торговыми империями Дании и Португалии. «Компания Джона» была готова вооружиться, основать собственное государство в Индии и защищать его с оружием в руках. Но для этого ей нужна была монопольная власть, и здесь решающую роль играли взятки.

Ост-Индская компания занимает центральное место в корпоративной и финансовой истории Англии, и не исключено, что ее красно-белый флаг стал прототипом звездно-полосатого знамени свободной Америки. Поначалу компания существовала в виде акционерного общества, которое основали лондонские купцы, получившие в 1599 году благословение Елизаветы I. Тогда она называлась «Купеческое предприятие для заморской торговли с Ост-Индиями».

Они направлялись именно в Ост-Индии (таково общее название ряда стран Южной и Юго-Восточной Азии), а не в Индию, поскольку Англия по-прежнему вела войну с Португалией и Испанией и английским судам приходилось огибать Индию, не причаливая к ее берегам. И вот в 1601 году маленькая флотилия из шести кораблей, ведомая 600-тонным «Красным драконом», подняла паруса и отправилась к островам пряностей.

Капитан Джеймс Ланкастер вез с собой шесть писем, подписанных королевой. Первые строки, где должны были значиться имена восточных правителей, оставались пустыми:

их следовало заполнить позднее. Спустя полтора года на Суматре англичан приветствовал местный правитель, до которого уже дошли известия о недавнем разгроме Непобедимой армады. Ему не терпелось поближе познакомиться с англичанами. Когда участники экспедиции вернулись в Лондон, на троне сидел новый король. Ланкастер был возведен в рыцарское достоинство, а Ост-Индская компания официально начала свою деятельность.

Компания установила контроль над многочисленными народностями Индии и сопредельных стран. Для сбора налогов у нее имелась собственная армия. Два наиболее влиятельных представителя компании, Роберт Клайв Индийский и Уоррен Гастингс, должны были отчитываться в своих действиях перед парламентом в Лондоне, но это не могло помешать росту компании, которая с годами становилась все более могущественной. Она просуществовала 247 лет и в период расцвета контролировала около половины всей мировой торговли. На нее работали самые плодотворные умы Георгианской и Викторианской эпох: Джон Стюарт Милль, Томас Лав Пикок, Томас Роберт Мальтус. Это была первая всемирная корпорация. Казалось, она просто не может потерпеть крах.

И все же это произошло: компания потерпела крах в 1858 году после восстания сипаев (Первая война Индии за независимость). Ее владения были национализированы британской короной, Индия и большая часть восточных земель оказались в подчинении у Британской империи. В наши дни название Ост-Индской компании стало синонимом алчности, торжества империализма и рабовладельческих притязаний (никак иначе нельзя назвать стремление выжимать налоги из людей, у которых нет никаких доходов). Но вместе с тем в ее названии есть и нечто иное – мечты о загадочном Востоке и, пожалуй, некоторое объяснение странной тяги англичан ко всему ориентальному.

С [Ост-Индской компанией] всегда было связано нечто магическое, необыкновенное, непостижимое. Возможно, Клайв знал, что это такое, но он скончался при загадочных обстоятельствах и не успел никому поведать свою тайну. Мы всегда можем обратиться к фактам. Бухгалтерские книги и протоколы заседаний компании сохранились до наших дней, и их можно прочитать. Никуда не делись великие современные города – Калькутта, Бомбей и Дели. Мы можем поехать туда. Следы компании рассеяны по всей Европе и Азии. И все же невольно возникает странное ощущение, что история компании заключается совсем в другом и что попытки навязать Востоку торговлю по европейским правилам изменили саму Европу, оставив Восток, как прежде, неизменным.

Р. Х. Моттрэм (1883–1971), прозаик и бывший мэр Нориджа

12

Английские гимны

В 1903 году, когда в Англии появилась чайная компания *Typhoo Tea*, газета *The Daily Mirror* и движение суфражисток, небольшая группа прихожан церкви Святой Марии на Примроуз-Хилл в Лондоне регулярно собиралась в доме викария, чтобы обсудить плачевное состояние английского церковного пения. Неудивительно, что после нескольких таких бесед друзья решили своими силами выпустить новый сборник гимнов для англиканской церкви.

Возглавлял группу энтузиастов каноник Перси Дирмер, викарий церкви Святой Марии и убежденный христианский социалист, однозначно державший сторону «высокой» (то есть тяготеющей к католицизму) англиканской церкви, которая отстаивала главенство ритуала над проповедью. Проблема Дирмера и его друзей заключалась в том, что единственным достоинством сборника «Гимны старинные и современные», тогдашнего лидера на рынке изданий церковных гимнов, была, по их мнению, красивая темно-бордовая обложка (важный нюанс для эпохи, когда все Библии и молитвенники были исключительно черными). В остальном же им ничего не нравилось – ни избыточная сентиментальность текстов, ни викторианский нравоучительный тон, ни тем более всеобщая, хоть и негласная, убежденность в том, что гимны – не самостоятельная часть литургии, а лишь приложение к проповеди. Настало время перемен.

В результате их усилий на свет появились «Английские гимны» – сборник гимнов англиканской церкви, книга настолько английская, что ее даже издали в зеленой обложке. Она до сих пор остается одной из важнейших опор англиканства. После бурных дискуссий с единомышленниками Дирмер все же включил в сборник спорный гимн Уильяма Блейка «К милосердию, жалости, миру, любви», а также собственный гимн «Иисус благой над всеми», позднее вошедший в обязательную программу начального обучения. Кроме того, следуя традициям «высокого» англиканства, он объединил гимны в тематические группы так, чтобы они соответствовали большому ежегодному христианскому празднику, и внес тем самым вклад в грандиозный скандал, разразившийся в день Вознесения в 1906 году, когда сборник вышел в свет. Архиепископ Кентерберийский Рэндалл Дэвидсон даже выразил вслух надежду, что этим сборником никто никогда не будет пользоваться.

Однако этой надежде не суждено было сбыться, и одной из главных причин тому была музыка. Дирмер не только развеял сомнения своих друзей по поводу стихов Блейка, он пошел еще дальше и предложил написать музыку к сборнику Ральфу Воан-Уильямсу, талантливому композитору, известному своими агностическими взглядами. Воан-Уильямс, позднее создавший любимое классическое произведение Англии, романс «Взлетающий жаворонок», увлеченно включился в работу над новым сборником церковных гимнов. Он приобрел известность, составив первую в своем роде коллекцию народной музыки (кстати, штаб-квартира Общества английской народной песни до сих пор располагается за углом приходской церкви Дирмера), и теперь бережно соединил лучшие образцы церковной и традиционной английской музыки.

Гимн «Я слышал Иисуса глас» был положен на мотив народной песни «Кингсфолд». В составе сборника имелись и совершенно новые произведения: например, гимн «Холодною зимой» Кристины Россетти на музыку, специально сочиненную Густавом Холстом, был впервые исполнен в Примроуз-Хилл на Рождество 1905 года.

Дирмер также включил в сборник произведения авторов, известных своей общественной деятельностью и активной гражданской позицией, среди них «Судия вечный на светлом престоле» каноника Генри Скотта Холланда и «Господь на земле и над алтарем» Г. К. Честер-

тона. Впрочем, из некоторых стихов все же были вырезаны предосудительные строки: так, из гимна «Весь мир земных творений» исчезла строфа «Богатей в высоком замке».

Дирмер ставил перед собой цель создать универсальную подборку гимнов, и этой цели он достиг. «Английские гимны» до сих пор можно встретить во всех концах света, от Палестины до дальних уголков Африканского континента: это своеобразное напоминание о неподвластном времени наследии Империи, «над которой никогда не заходит солнце». Однако у Дирмера была еще одна тайная цель (поэтому неудивительно, что публикация сборника так расстроила архиепископа): он хотел укрепить ритуально-литургический аспект богослужения и привлечь внимание к гимнам, доказав, что они могут не просто дополнять проповедь, но быть важной частью церковной службы, меняющейся в зависимости от времен года. Это далеко не всем пришлось по вкусу.

«Мне кажется, люди наконец-то начали подпевать нашему гимну», – сообщил один из младших помощников Дирмера органисту. «О! Тогда я буду играть другой», – встревоженно отозвался тот: ему совсем не хотелось, чтобы паства портила своим дилетантским пением прекрасную музыку. Это была нелегкая битва, но в конечном счете Дирмер ее выиграл. «Английские гимны» стали неотъемлемой частью повседневной английской культуры. Каждый англичанин может вспомнить не меньше дюжины цитат из этого сборника; «Взираю я на дивный крест» или «Христос дорогу мне открыл» – мы знаем эти слова, даже если ни разу в жизни не заходили в церковь.

*Человеческий образ божественно свят,
Каждый должен его почитать и любить.
Где Любовь, Милосердие, Жалость царят,
Там Господь не может о нас забыть!⁴*

Строки из гимна Уильяма Блейка, разделившего создателей «Английских гимнов» на два лагеря

⁴ Перевод О. Стельмак.

13

Франкофобия

Говорят, «хороший забор – хорошие соседи». Пролив Ла-Манш сделал из Англии и Франции хороших соседей, однако с момента своего возникновения обе нации, несмотря на географическую и политическую близость, находятся в состоянии постоянного соперничества.

Хороши, конечно, и те и другие: англичане смеются над эмоциональной логикой французов, французы высмеивают ужасающую кухню и чопорную церемонность англичан. Иногда это противостояние приобретает тревожный оттенок. Рассказывают, что во время наполеоновских войн (не вполне ясно, когда именно, известно лишь, что в тот год страх перед вторжением французов был особенно силен) французский военный корабль потерпел крушение близ берегов Хартлпула. Единственным выжившим членом команды, доплывшим до берега, была мартышка, одетая в форму наполеоновского солдата. Местные жители, убежденные, что именно так выглядят мифические французы, повесили мартышку на мачте разбившегося корабля. По крайней мере, так говорят.

В этой истории есть несколько странностей. Первая: если местные жители действительно подумали, что так выглядят французы, это гораздо больше говорит о Хартлпуле, чем об отношении англичан к своим галльским соседям. Вторая: если этот случай действительно имел место, то, возможно, речь идет не о животном, а о «пороховой мартышке» – на кораблях так называли мальчиков, подносящих пушкарям порох. И это превращает инцидент с мартышкой в военное преступление.

Однако жителей Хартлпула, по-видимому, не смущают мрачные загадки этой истории, и они до сих пор охотно вспоминают этот случай, шутливо называя себя «вешателями мартышек». У местной футбольной команды «Хартлпул Юнайтед» есть талисман по имени Мартышка-Висельник (H' Angus the Monkey), который вратарь вешает на футбольные ворота во время важных матчей. В 2002 году местный студент Стюарт Драммонд баллотировался на выборах мэра города в костюме Мартышки-Висельника и был избран на этот пост (а потом переизбран еще два раза).

Чтобы понять, почему эта довольно неприятная история до сих пор не предана забвению, нужно вспомнить, что франкофобия (или сдержанная неприязнь, или по меньшей мере постоянное соперничество с французами) является давней английской традицией. Едва ли англичан можно назвать единственной нацией, имеющей что-то против французов – даже американцы пережили период натянутых отношений с Францией во время войны в Ираке, – но англичане откровенно наслаждаются сложившимся положением вещей. Возможно, все дело в их различиях?

И да и нет. Да, флегматичные англичане с их вечным дождем и отвратительной кухней ничуть не похожи на экстравагантных, легковозбудимых французов. Но нет, французский язык прочно сплелся с английским после нормандского вторжения в 1066 году. Кроме того, несмотря на многочисленные английские посягательства на территорию Франции в Средние века – а также непреходящее увлечение англичан битвами при Креси, Азенкуре и на Ниле, – в истории были два момента (в 1421 и 1940 годах), когда Англия и Франция стояли буквально в одном шаге от объединения. В 1940 году такое предложение сделал Уинстон Черчилль после того, как Париж пал под натиском нацистов.

Извечное противостояние смягчается тем, что мы искренне восхищаемся французами, их быстро и кондитерскими, ароматами свежей выпечки, витающими в каждом маленьком городке, и их снисходительным отношением к внебрачным связям.

Живым воплощением взаимной нетерпимости французов и англичан стал президент Шарль де Голль, который приезжал в Лондон в июне 1940 года (хотя нельзя сказать, что его здесь ждали и были ему рады) и который умудрился наложить вето на участие Британии в Европейском экономическом сообществе (как оно тогда называлось) в 1963 и 1967 годах.

В Вестминстере рассказывают историю об официальном визите де Голля в Англию в 1960 году: в какой-то момент во время торжественного ужина в палате лордов французский президент поднял глаза и увидел перед собой огромное живописное полотно, изображающее битву при Ватерлоо. Рассказывают, что он взял свою тарелку, решительно обошел стол и пересел на другую сторону, но обнаружил, что здесь его взгляд упирается в гигантское полотно с изображением Трафальгарской битвы.

В этой истории есть все, что вам нужно знать о франкофобии. Это не столько открытая ненависть, сколько ревнивое соперничество между союзниками – а французы были союзниками англичан со времен Крымской войны. Это не столько слепая неприязнь, сколько ворчливая *entente cordiale* – возникший в 1904 году побочный эффект любви Эдуарда VII к парижским борделям.

Поэтому англичане будут и дальше укоризненно качать головой над каждым новым проявлением французской чувствительности, а французы долго еще будут припоминать англичанам глупейший заголовок, появившийся однажды в одной из английских газет: «ТУМАН В ПРОЛИВЕ – КОНТИНЕНТ ОТРЕЗАН».

*Когда французы в грозный час
Хотели уничтожить нас,
Мы, до зубов вооружась,
Поймали обезьянку.
У моряков суровый нрав.
Других не ведая забав,
Ее, лазутчицей назвав,
Повесили на рее.
Была судьба ее горька —
Пытали бедного зверька:
«Ты приплыла издалека?
Ну, так умри скорее»⁵.*

Нед Корван в мюзик-холле Тайнсайд (ок. 1850)

⁵ Перевод А. Курт.

14

Английский завтрак

Термин «полный Монти» со временем приобрел множество смыслов. В числе прочего он означает плотный английский завтрак – единственный безошибочно узнаваемый и неоспоримый вклад Англии в международную кухню.

В обильном английском завтраке с его подчеркнутым пренебрежением к современным стандартам здорового питания и пропускной способности отдельно взятого ресторана есть нечто глубоко безмятежное. Его долго готовят, еще дольше едят, и каждый его кусок, щедро сдобренный холестерином, гарантированно отнимает у вас пару месяцев жизни. Он не пытается притвориться тем, чем не является, честно и прямо показывая, из чего состоит – а состоит он, не будем ходить вокруг да около, из яичницы-глазуньи, поджаренного хлеба, жареных грибов, тушеной фасоли, жареных помидоров, сосисок и огромного ломтя бекона.

В зависимости от того, где вы находитесь, бекона может быть больше или меньше. Кроме этого, на тарелке может оказаться кусочек кровяной колбасы и хашбрауны, хотя с хашбраунами все не так однозначно: строго говоря, это американское изобретение.

По некоторым свидетельствам, впервые все эти ингредиенты соединили в одно экстравагантное блюдо в XVIII веке, но, возможно, это просто домыслы, поскольку тогда еще не существовало ничего похожего на современное промышленное производство бекона (которое появилось в Уилтшире; по крайней мере, так утверждают). До этого английский завтрак состоял обычно из хлеба, мяса и эля. В XIX веке миссис Битон дополнила этот список рубленой свининой, вареной рыбой и некоторыми другими блюдами. Преподобный Джеймс Вудфорд, который гораздо больше писал о том, что съел, чем о религиозных церемониях, которые предположительно проводил, почти не упоминает о том, что ел на завтрак.

В XX веке английский завтрак можно было встретить где угодно. В эдвардианскую эпоху джентри и аристократы наутро после званого вечера спускались вниз к общему столу и сами накладывали себе горячие закуски с серебряных подносов с крышками. Полвека спустя английский завтрак стал бесклассовым: в 1950-х каждый работающий человек мог при любых обстоятельствах рассчитывать на утреннюю яичницу с сосиской.

Кое-кто считает, что расцвет английского завтрака случился совсем недавно, в 1960-х годах: в то время каждая маленькая гостиница типа «ночлег и завтрак» южнее шотландской границы предлагала английский завтрак в списке стандартных услуг.

Возможно, вам покажется, что английский завтрак не так хорош, как вездесущий континентальный завтрак – в наши дни он состоит обычно из круассана, кофе и йогурта, – но встав из-за стола, вы по крайней мере можете быть уверены, что позавтракали.

Плотный английский завтрак миссис Битон:

Следующий список поможет нашим читателям понять, какие блюда можно приготовить для полноценного питательного завтрака. Жареная рыба, например скумбрия, хек, селедка, сушеная пикша и проч.; бараньи отбивные и вырезка, жареные бараньи почки, почки à la maître d'hôtel, сосиски, ломтики бекона, бекон с яйцом пашот, ветчина с яйцом пашот, омлет, яйца вкрутую, яичница-глазунья, яйцо пашот на тосте, маффины, тосты, апельсиновый джем, сливочное масло и проч. и проч. ...

Английский завтрак, описанный миссис Битон в «Книге домашнего хозяйства» (1861)

15

Живая изгородь

О тополя, качавшие в ветвях
Игру теней и солнечных лучей,
Вы пали, пали все до одного
И юноши, и старцы, и мужи —
Погибли все.

Это стихотворение английский поэт Джерард Мэнли Хопкинс написал в 1879 году, когда были вырублены тополя, тянувшиеся вдоль Порт-Мидоу со стороны Оксфорда. Кроме тополей там по-прежнему можно найти живые изгороди и ряд деревьев, обозначавший старинную границу между Оксфордширом и Беркширом (самой границы больше не существует, ее перенесли на новое место в 1974 году). Живые изгороди воспевают, и вполне заслуженно, за экологические достоинства (хотя начиная с 1950-х годов их количество сократилось вдвое), однако именно их роль в обозначении границ делает их особенно важными для английской психики.

Границы очень важны для людей, ценящих уединение так же высоко, как англичане, поэтому их соблюдают со всей строгостью в сельской местности, где порядки отражают как минимум один из типов английского характера. Границы так важны, что в прежние времена городских детей специально приводили туда пороть, чтобы они запомнили это место. Церемония называлась «околачивание границ», и в ней соединились два наименее привлекательных английских порока – ревностная охрана границ и пристрастие к телесным наказаниям.

В одних местах живые изгороди остались на месте исчезнувших лесов, в других их высаживали специально, чтобы обеспечить защиту для дорог, которые, по выражению Г. К. Честертона, кружат и петляют, как проторивший их английский пьянчуга. Изгороди по-прежнему стоят вокруг общинных земель и полей, охраняя урожай жителей окрестных деревень или (по крайней мере, в Кенте) защищая посадки хмеля от ветра. В наши дни они также служат пристанищем для птиц и насекомых, играющих важную роль в сельском хозяйстве и сохранении местной экосистемы. И конечно, они превращают поля в подобие лоскутного одеяла, разглядывая которое можно представить себе процесс огораживания общинных земель.

Если вы свалитесь на Землю из космоса, главным признаком, по которому вы поймете, что попали в Англию, будут живые изгороди. Они придают сельской местности неповторимый, легко узнаваемый облик. Даже если мы никогда не выиграем международный турнир по крикету, писал поэт Эдмунд Бланден в 1935 году, «у нас останутся лучшие в мире живые изгороди».

Несомненно, он прав. Англичане – склонный к ностальгии народ. Их психика поделена на части зелеными изгородями, определяющими границы их жизни и отношений. Они испытывают нежную привязанность к живым изгородям и искренне скорбят, когда эпидемии и вредители уничтожают старые деревья. В 1970-х годах они оплакивали исчезающие вязы, так же как Хопкинс оплакивал свои тополя. Они будут оплакивать дубы. Но по какой-то причине (и это тоже свойство английского характера) они ничего не делают, чтобы исправить положение.

Растения для живых изгородей:

Падуб

Ольха
Ива
Вяз
Орешник
Клен
Крушина
Дикая яблоня
Бузина
Кизил
Калина обыкновенная
Бирючина
Калина ольхолистная
Ежевика
Тамариск
Фуксия
Шиповник собачий
Шиповник колючейший
Шиповник красно-бурый
Ракита
Терновник

16 Генрих V

Довольно сложно симпатизировать Генриху V из шекспировских пьес, где он изображен как король и ранее как расчетливый принц Хэл (в двух пьесах, посвященных его отцу), да и вообще непросто его любить после того, как он, став королем, перебил цвет французского дворянства при Азенкуре. Хотя за речь в духе «Криспинова дня» и другие моменты, полные героизма и очарования (и вообще за «облик Генриха в ночи»⁶, как это назвал Шекспир), можно простить многое. И все же в поступках этого человека прослеживается неприятная расчетливость.

Несмотря на благотворную внутреннюю политику Генриха V, восстановление в правах опальных дворян и в целом доброжелательное отношение к людям, он не просто проигнорировал бедного сэра Джона Фальстафа в день своей коронации, заявив, что не знает этого старика (пьеса «Генрих IV»). Человек, послуживший прототипом шекспировского Фальстафа, предводитель лоллардов сэр Джон Олдкасл был сожжен на костре между Оксфорд-стрит и Тотенхэм-Корт-роуд, на том месте, где сейчас высится небоскреб *Centre Point*. Предположительно именно публичная казнь Олдкасла навлекла на это место проклятие, по вине которого небоскреб так и не был до конца заселен. Впрочем, не будем суеверными.

Несомненно, Шекспир вложил в текст свое личное отношение к Генриху. В красках описав великую битву при Азенкуре, победу над французами и свадьбу с прекрасной Екатериной Валуа, он заканчивает пьесу «Генрих V» кратким эпилогом, где говорится, что король умер молодым, оставив престол Англии и Франции своему младенцу-сыну, и что «за власть боролись многие при нем, / Отпала Франция в разлуке дикой».

Возможно, кто-то разглядит в фигуре Генриха отблеск легендарной славы короля Артура. Генрих стоял в одном шаге от величайшего исторического свершения, создав все условия для объединения Франции и Англии (второй такой случай имел место только в 1940 году), однако не успел это сделать: в 1422 году во время военного похода он скоропостижно скончался. Недавно были обнаружены его внутренности, захороненные на месте смерти в сундуке. Они все так же дурно пахли.

В истории рождения Генриха имеются некоторые неясности. Никто не записал дату его появления на свет, поскольку он не должен был стать ни наследником, ни тем более королем: он ведь был Генрихом Монмутским, а значит, не английским, а валлийским лордом. В шекспировской пьесе Генрих признается, что иногда украшает себя пучком порея в память о победе, и добавляет: «Ведь я уэлец, добрый мой земляк». Что и требовалось доказать.

Однако не будем слишком строго судить Генриха ни за его странную прическу, похожую не то на горшок, не то на пудинг, ни за его незавидное место в анналах истории. Он по-прежнему служит для англичан примером в тех делах, где требуются дерзость и отвага, особенно когда шансы неравны – как при Азенкуре, где французов было гораздо больше, чем англичан. К тому же этот король вдохновил Шекспира на прекрасную пьесу.

Фильм 1944 года, в котором Генриха V сыграл Лоуренс Оливье (а в массовке снимались военнослужащие ирландской армии, причем тем, кто приезжал на съемочную площадку на своих лошадях, платили больше), вызвал в английской культуре яркий всплеск, а у публики – душевный подъем. Успеху фильма немало способствовало то, что его выход совпал с «Днем Д» – высадкой десанта союзников в Нормандии; сыграла свою роль и классическая музыка

⁶ «Генрих V». Здесь и далее в этой главе цитаты – в переводе Е. Бируковой.

Уильяма Уолтона. Все это помогло воодушевить измотанную войной нацию и вызвало к жизни колоритный английский дух, сохранившийся до наших дней.

И может быть, среди нас все еще есть те, кто готов от чистого сердца подписаться под словами: «И проклянут свою судьбу дворяне, / Что в этот день не с нами, а в кровати: / Язык прикусят, лишь заговорит / Соратник наш в бою в Криспинов день».

*Стоите, вижу, вы, как своры гончих,
На травлю рвущиеся. Поднят зверь.
С отвагой в сердце риньтесь в бой, крича:
«Господь за Гарри и святой Георг!»*

Речь Генриха V перед атакой на Гарфлер

17

Героическое поражение

«Останься мы в живых, я мог бы рассказать о смелости, стойкости и отваге моих товарищей немало историй, которые тронули бы сердце каждого англичанина. Эти отрывочные записки и наши мертвые тела расскажут все за нас, но конечно, конечно же я уверен, что у такой великой и богатой страны, как Англия, достанет средств позаботиться о наших близких».

Так звучит знаменитая последняя запись из дневника капитана Роберта Фолкона Скотта, найденного подле его обледеневшего тела. В каком-то смысле эти слова служат прекрасной иллюстрацией одержимости англичан героическим поражением. Руаль Амундсен опередил Скотта, первым достигнув Южного полюса, Эрнест Шеклтон сумел спасти своих людей и доставить их всех живыми обратно в Англию после того, как их судно, зажатое льдами, затонуло у берегов Антарктики. Однако ближе всего англичанам оказался именно Скотт, которому не удалось сделать ни того ни другого.

Последние строки знакомят нас еще с одной навязчивой идеей англичан – постоянными поисками средств к существованию. В своем завещании Нельсон просил позаботиться о его семье. Но хотя некоторые нации осыпают своих героев и их возлюбленных богатствами, подруга Нельсона Эмма Гамильтон доживала последние годы в скромной наемной квартирке в Кале и скончалась в 1815 году практически в нищете.

Предсмертная записка Скотта датирована 29 марта 1912 года. Две недели спустя трансатлантический лайнер «Титаник» столкнулся с айсбергом и затонул, унеся жизни 2224 пассажиров и членов экипажа: два величайших героических поражения в истории случились с разницей всего в несколько дней.

Однако у английской склонности к героическим поражениям есть и более оптимистичная сторона – достаточно вспомнить актера Георгианской эпохи Роберта Коутса, потратившего свое состояние на театральные постановки, в которых сам же исполнял главные шекспировские роли (особенно Ромео) и вызывал ежевечерний фурор своей чудовищной игрой.

Выступая в первый раз в роли Ромео, он прямо на сцене вынул табакерку и предложил понюшку зрителям, сидевшим в нижней ложе. В сцене смерти влюбленных он заботливо подложил себе под голову берет и обмахнул платком доски, на которые должен был рухнуть замертво. Во время другого представления он потерял бриллиантовую пряжку и ползал на коленях, остановив спектакль, пока не нашел ее.

Его выступления были такими смешными, что зрители то и дело покатывались со смеху. Коутсу настолько понравилась реакция публики на смерть Ромео, что он точно так же сыграл эту сцену на следующий вечер и, возможно, повторил бы ее и в третий раз, но тут из мертвых восстала Джульетта и велела ему прекратить этот балаган.

По происхождению Коутс был англичанином, хотя родился в Вест-Индии. Ему суждено было погибнуть в автомобильной катастрофе рядом с Королевским театром на Друри-Лейн, но изумленное восхищение его вопиющим непрофессионализмом дожило до наших дней. Разве не тем же самым можно объяснить популярность Эдди «Орла» Эдвардса, героического члена сборной Англии по прыжкам с трамплина на Зимних Олимпийских играх 1989 года?

После Олимпиады Эдвардс продолжал в том же духе и даже записал несколько песен на финском, хотя, заметим, этот язык был ему совершенно незнаком. Прекрасный пример для всех нас.

Успех – это умение двигаться от неудачи к неудаче, не теряя энтузиазма.

Уинстон Черчилль – о благородном английском искусстве поражения

18 Шутки

Можно ли препарировать английский юмор и дать ему точное определение? Известно только, что юмор – неотъемлемая черта национального характера. Он подразумевает не только то, что Дж. Б. Пристли назвал «юмористическим реализмом», – способность находить забавное в самых обычных вещах и людях, которая восходит, самое позднее, к Джеффри Чосеру, – но и умение посмеяться над самим собой.

Какая нация стала бы так подшучивать над собой, как англичане на церемонии открытия Олимпийских игр в 2012 году? Впрочем, не будем забывать, что сотворил эту британскую церемонию художественный гений шотландца. Тем не менее англичане с удовольствием посмеиваются над своими пунктиками и недостатками, чего совершенно лишены представители других стран. Офисные работники в Америке не сразу найдутся с ответом, если предложить им рассказать историю какого-нибудь личного провала, но их английские коллеги помнят все свои неудачи не хуже, чем награды.

Слегка насмешливое отношение к своим чудачествам было свойственно англичанам с незапамятных времен. «Я провел с ним довольно много времени, – писал Джеймс Босуэлл (шотландец) о Сэмюэле Джонсоне, – но теперь могу вспомнить только, что мы все время над чем-то смеялись. Видимо, в тот день у него было подходящее настроение для шуток и веселья – в такие дни я не знал человека, способного хохотать более увлеченно». Но тот же Босуэлл позднее писал о «постоянной мрачности» своего друга. Эти два состояния, юмор и мрачность, прекрасно уживаются в англичанах – как во всех великих комедиях.

Пожалуй, самое ясное представление об английском юморе можно получить, сравнив его с американским. Английские шулки строятся на преувеличении, причудливые всплески фантазии представляют мир в искаженном виде и доводят странности до логической завершенности. Преувеличение, свойственное английской шутке, в какой-то момент превращается в нелепицу, абсурд: от Льюиса Кэрролла до МонтИ Пайтона англичане неутомимо совершенствовались в искусстве комического абсурда (не путать с серьезным «театром абсурда», где, конечно, никто не может сравниться с французами).

Суть английского юмора, от гравюр Джеймса Гилрея до карикатур Карла Джайлса, – преувеличение, доходящее до гротеска. При этом способы достижения комического эффекта могут меняться: шулки У. С. Гилберта, Дэна Лено, Артура Аски или комедийной радиопрограммы *ITMA (It's That Man Again)* уже не кажутся нам такими смешными, какими казались нашим бабушкам и дедушкам, но такова уж природа времени. Основы остаются прежними, и величайшие английские юмористы – Джейн Остин, Чарльз Диккенс, П. Г. Вудхауз, Стэн Лорел или Чарли Чаплин – по-прежнему могут заставить людей смеяться, и не важно, роман это или газетная заметка, номер в мюзик-холле или кинокомедия. И разумеется, у каждого поколения есть свои любимые комики.

Вот что говорил по этому поводу великий публицист XVIII века Уильям Хэзлит:

«Однако французам совершенно невозможно объяснить достоинства нашей комедийной сцены и значение, которое мы ей придаем. Когда они спрашивают, какие у нас есть развлечения, совершенно ясно, что они никогда не слышали о миссис Джордан, о Кинге, Баннистере, Сюэтте, Мандене, Льюисе, о маленьком Симмонсе, Додде, Парсонсе, Эмерджи, мисс Поуп и мисс Фаррен, и всех тех, кто еще в мое время радовал людей и превращал их жизнь в светлый летний сон».

Все эти имена, когда-то украшавшие лондонские афиши, теперь забыты, но на их место пришли новые. Возможно, свойственные англичанам от природы лень и нежелание менять что-то в жизни заставляют нас искать людей, которые смогут хоть ненадолго превратить нашу жизнь в светлый летний сон – тогда мы сможем забыться, ослабить туго застегнутые воротнички и перестать быть такими серьезными.

Женщина с ребенком садится в автобус. Водитель говорит: «Тьфу, в жизни не видел такого уродливого младенца!» Возмущенная женщина проходит в конец автобуса, усаживается и говорит своему соседу: «Вы слышали? Водитель только что меня оскорбил!» Мужчина отвечает: «А вы пойдите и задайте ему хорошую взбучку. Идите, идите, а я пока поддержу вашу обезьянку».

Самая смешная шутка, по мнению 36 тысяч участников голосования 2010 года

19

Король Артур и рыцари Круглого стола

Что касается короля Артура и его рыцарей, определить их национальность довольно сложно. Если Артур действительно существовал (хотя сейчас в этом почти не осталось сомнений), он наверняка был властителем одного из романо-британских королевств, отражавших разбойные набеги саксов, – а значит, он был не совсем англичанином. Возможно, валлийцем, может быть, корнуолльцем. Почти наверняка в его жилах текла римская кровь: его дядей был, предположительно, римский полководец Амброзий Аврелиан.

Что касается его рыцарей, то моральное право англичан на этих героев еще более сомнительно. Сэр Гавейн, судя по имени, был чистокровным валлийцем. Сэр Ланселот впервые появился во французской литературе. Хуже того, в тех битвах, аналоги которых можно отыскать в исторических источниках (битва в долине Уоллоп и у горы Бадон), Артур однозначно сражался против англичан, тогда представлявших собой скопище диких языческих племен, а вовсе не на их стороне.

Это открытие привело в замешательство эдвардианских авторов приключенческих рассказов для мальчиков; они считали, что положительные герои всегда должны стоять на стороне англосаксов, но было непонятно, как увязать с этим тот факт, что англосаксы сражались против христиан.

Первое упоминание о короле Артуре в хрониках встречается около 820 года, как минимум спустя два столетия после известных нам битв. Одним из кандидатов на роль реального Артура называют короля Риотама, который на самом деле был родом из Бретани.

В величайшей романтической истории Британских островов несомненны лишь два момента: во-первых, согласно свидетельству историка Джона Морриса, имя Артур на короткий период стало крайне популярным среди племенных вождей, а во-вторых, события артурианы, судя по всему, происходили именно на английской почве. Замок Артура Камелот, скорее всего, не был «многобашенным», как писал Альфред Теннисон; наиболее вероятным местом его расположения считают Саут-Кэдбери, крепость на широком, продуваемом всеми ветрами холме в Сомерсете. Круглый стол короля Артура – вернее, его средневековая имитация – хранится в Винчестере, который позднее был англосаксонской столицей Уэссекса.

Легенда о сэре Гавейне и Зеленом Рыцаре – одна из самых ранних дошедших до нас средневековых историй. В ней Гавейн борется с собственным страхом и противостоит плотскому искушению, чтобы сдержать клятву и сразиться в поединке с зеленым великаном, вооруженным топором.

Викторианцы глубоко прониклись идеалами рыцарской жертвенности, множество примеров которой мы видим в артуровских легендах. Стремясь поощрить подобное поведение в следующих поколениях, они создали на эту тему немало возвышенно-мрачных стихотворений (Теннисон и другие) и живописных полотен (Бёрн-Джонс и другие).

И следующие поколения – члены полярной экспедиции Скотта и пассажиры первого класса на «Титанике», не говоря уж об офицерах при Монсе и Сомме, – послушно шли навстречу смерти с высоко поднятой головой, вспоминая о Галахаде, Тристане, Персивале и других идеалах безупречного рыцарства.

HIC JACET ARTHURUS REX QUONDAM REXQUE FUTURUS

(Здесь лежит Артур, король бывшего, король грядущего)

Надпись на гробнице в книге Томаса Мэлори «Смерть Артура»

20

Библия короля Якова

Переводчики Ветхого и Нового Завета в период Реформации и Предреформации оставили после себя выдающееся наследие, повлиявшее на формирование нашего нынешнего языка едва ли не больше, чем шекспировские произведения. Поэтому трудно представить Англию без великого перевода Библии, выполненного по приказу нового короля Якова I, прибывшего из Шотландии после смерти Елизаветы I.

Проблема заключалась в том, что люди никак не могли договориться, какой перевод Библии считать самым правильным. Существовавшие в то время переводы Джона Уиклифа и его единомышленников были запрещены еще в 1409 году. Кроме того, имелся еще перевод Уильяма Тиндейла, на основе которого была создана Большая Библия Генриха VIII и так называемая Епископская Библия, предположительно подытожившая все труды в этой области, – однако она была такой огромной, что ее копирование обошлось бы слишком дорого. Существовала также Женевская Библия, переведенная протестантами в изгнании во время правления королевы Марии (вошедшей в историю как Кровавая Мэри) и снабженная рядом примечаний и комментариев, которые кое-кому могли бы показаться оскорбительными.

Проблема Якова и поддерживавших его католических священников заключалась в том, что все, кто ранее брал на себя труд перевести Библию на английский язык, как правило, были протестантами. Их переводы отличались некоторой предвзятостью – например, вместо «церковь» в них говорилось «конгрегация» – и другими особенностями, которые были англичанам как кость в горле. Нужен был перевод, признающий существование епископов и рукоположенных священников.

Поэтому в 1604 году в Хэмптон-Корте состоялось заседание, на котором был осуществлен, как мы сказали бы сейчас, запуск этого проекта. Яков начал обдумывать создание нового перевода Библии еще в 1601 году, когда эту идею выдвинула генеральная ассамблея Церкви Шотландии в Файфе. Спустя три года для воплощения идеи в жизнь были назначены переводчики (впрочем, денег им не заплатили), из которых сформировали шесть переводческих коллегий в Оксфорде, Кембридже и Вестминстере. Но получилось так, что сквозь сделанный ими перевод явственно проступала чистая красота перевода Тиндейла, ясность и благозвучие которого нельзя ни с чем спутать.

Новый перевод понравился не всем. Во время гражданской войны в Англии, разразившейся при жизни следующего поколения, пуритане издали собственную версию Женевской Библии, оставив без внимания мнение ряда крупных ученых того времени. Никто не обратился к величайшему специалисту по ивриту Хью Броутону, поэтому он отзывался о переводе крайне неодобрительно. Более того, он сказал, что «скорее позволил бы разорвать себя на куски дикими лошадьми, чем согласился бы подсунуть этот отвратительный перевод английскому народу».

Однако перевод все же пошел в народ и распространился по всему англоговорящему миру. Опечатки и огрехи первых лет – из них наибольшую известность приобрела Грешная Библия 1631 года, где в заповеди о прелюбодеянии была пропущена частица «не», что изменило смысл заповеди на противоположный, – удалось исправить только в 1769 году, когда была издана окончательная версия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.